

Алексей Вдовин

КОНСТРУИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ СУБЪЕКТОВ В ПРОЗЕ ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ 1839–1861 ГОДОВ

В традиционном нарративе об истории народного образования и чтения в Российской империи считается, что книги для народного чтения как жанр появились не ранее 1860-х гг., а массово — в 1880-е гг. Статья корректирует это представление и на материале 15 фикциональных текстов, созданных образованной элитой (М. Н. Загоскиным, В. А. Соллогубом, В. И. Далем, В. П. Бурнашевым, Н. В. Успенским, М. А. Корсини, М. Л. Михайловым, Марко Вовчок и др.) для народного чтения в 1839–61 гг., доказывает существование раннего этапа развития такого типа дидактической литературы для народа. Используя метод определения элементарных сюжетов для художественных текстов, автор выявляет 4 группы текстов с разными типами сюжета (бессюжетные, тип «Искушение», тип «Насилие», тексты о любви и браке), за которыми стоят разные представления о том, кто такие крестьяне как субъекты, как они должны взаимодействовать друг с другом, с законом и властью. Анализ сюжетов становится в статье отправным пунктом для интерпретации той модели крестьянской субъектности, какую конструировали авторы рассказов для народа. Исследование показывает, что если в 1840-е и в первой половине 1850-х гг. доминировала патриархальная модель крестьянского субъекта, то накануне отмены крепостного права в 1859–61 гг. на страницах журнала «Народное чтение» демократически настроенные авторы (Марко Вовчок и М. Л. Михайлов) пытаются сконструировать в рассказах для крестьян эмансипированный тип субъектности, в центре которой стоит человеческое достоинство. Отдельный раздел статьи посвящен сходству литературы для народа 1840-х гг. с детской литературой 1830-х гг.

Ключевые слова: крестьянское чтение, литература для народа, субъектность, дидактическая литература, теория модернизации

Алексей Владимирович Вдовин
НИУ Высшая школа экономики
Москва
avdovin@hse.ru

DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-269-298

Недавние исследования «чтения для народа» в Российской империи второй половины XIX в., проведенные на обновленной методологической основе, поставили проблему целенаправленного формирования простонародного читателя и богатого, но слабоизученного набора повседневных практик, с ним связанных [Агафонова 2019; Agafonova 2022; Агафонова 2022; Макеев 2013; Новик 2019; Reitblat 2020]. Государственная политика в области народного образования (начального и среднего) уже с начала XIX в. рассматривала крестьян и простолюдинов как особую категорию подданных, которая нуждается в специальной литературе и особом типе просвещения, отличном от других сословий. Субъектом обучения в рамках такой идеологии выступал не только крестьянский ребенок, но и любой взрослый простолюдин, обучившийся грамоте и чтению и нуждающийся в книгах для саморазвития. Приравнивание совершеннолетних читателей к обучаемым «детям» ставило их в подчиненное положение и, конечно же, предполагало в глазах чиновников соответствующих ведомств существование или разработку определенного типа дискурса, который сочетал в себе черты одновременно педагогического, управленческого и просветительского. На пересечении этих дискурсов возникал особый тип дискурса и тип управления крестьянским чтением, который я буду называть «дидактическим» и который нуждается в изучении. Предлагаемая статья, опираясь на существующие исследования в первую очередь А. И. Рейтבלата [Рейтблат 2001; Reitblat 2020], М. С. Макеева [Макеев 2013] и Я. Я. Агафоновой [Agafonova 2022; Агафонова 2022], посвящена раннему этапу формирования особого дидактического типа дискурса в эпоху до отмены крепостного права (1839–1861)¹. Принято считать, что массовое распространение литературы, специально написанной интеллигенцией для народного чтения, началось в 1880-е гг. [Reitblat 2020, 330, 335] или даже на 20 лет раньше, в 1860-е гг. [Макеев 2013], однако на самом деле первые, хотя и не такие масштабные, попытки создать особую «литературу для народа» относятся к началу 1840-х гг., что представляет несомненный интерес для историков чтения, образования, литературы и культуры.

Основываясь на массиве литературы для народа, написанной известными (М. Н. Загоскин, В. А. Соллогуб, В. И. Даль, М. Л. Михайлов, Марко Вовчок) и забытыми (В. П. Бурнашев, Ф. Русанов, М. А. Корсини) писателями и писательницами, я выявляю ее наиболее частотные сюжеты («элементарные сюжеты» в терминологии Т. А. Китаниной) [Китанина 2005], прагматику и образ идеального

конструируемого субъекта, который крестьяне-читатели, по замыслу создателей, должны были усвоить и воплотить в собственном поведении. Поскольку рассматриваемые тексты были созданы образованной элитой с целью перевоспитания и обучения крестьян, наиболее широкой теоретической рамкой статьи служит именно теория модернизации, хотя я отдаю себе отчет в том, что она является далеко не единственным нарративом для объяснения практик пользования собственной грамотностью среди простолюдинов того времени² [Lyons 2001, 131, 155]. В частности, для уточнения и корректировки продуктивно обратиться к концепции «субъекта» и «субъектности» (англ. *agency*), которые позволяют историкам улавливать и описывать не только транслируемые «сверху» модели, но и горизонтальные практики и индивидуальный выбор и опыт людей. К понятию «субъекта» и «субъектности» я прибегаю еще и для того, чтобы точнее определить объект исследования, включающий в себя не просто списки книг для чтения, их сюжеты, тематику и стиль, но те ценности, модели социально одобряемого поведения и образы «себя» (т. е. крестьян), которые в книгах для народа транслировались в сознание воспринимающих субъектов. Дидактическое воздействие могло осуществляться напрямую через инструктивные тексты (советы, притчи, рекомендации) и через тексты фикциональные (художественные). Именно вторые являются основным предметом этого исследования, хотя к источникам первого типа, по мере необходимости, я также буду обращаться.

Бросающиеся в глаза дидактизм и назидательность составляли неотъемлемую черту такого типа литературы для народа в 1840–50-е гг. и не раз обсуждались в критике. В. Г. Белинский, В. Ф. Одоевский, Н. А. Некрасов и др. впервые поставили вопрос о том, какой должна быть хорошая книга для простонародного читателя. Хотя мнение о том, что для него не нужны какие бы то ни было специальные книги, в эти годы еще не было отчетливо высказано (это произойдет позже, в начале 1860-х гг.), мы можем увидеть некоторые пересечения с представлениями о детской литературе. В ее истории дихотомия «особые книги для детей vs. общий золотой фонд для детей и взрослых» возникла в критике уже в 1830–40-е гг. и на протяжении всей 2-й половины XIX в. сохраняла свою актуальность [Сергиенко 2015, 78–79, 88]. Несмотря на различную скорость появления подобных представлений в критике детской и народной литературы, причина совпадения в идеях была связана с уже упомянутым восприятием образованной элитой взрослого крестьянина как ребенка, нуждающегося в воспитании

через специальные тексты. Поэтому можно говорить о частичном пересечении между полями литературы для детей и для народа уже в 1840–50-е гг.³ Сходными были не только установка на дидактизм и некоторые темы (воспитание в духе уваровской триады «православие — самодержавие — народность» [Лучкина 2011, 114–116]), но даже и круг авторов. Так, упоминаемые в этой статье В. Ф. Одолевский, В. П. Бурнашев, М. А. Корсини и Марко Вовчок в разные периоды своей деятельности выступали и как авторы произведений для детей.

В целом, как я попытаюсь показать, в литературе для народа 1840-х и в первой половине 1850-х гг. доминировала патриархальная модель крестьянского субъекта. Накануне отмены крепостного права в 1859–61 гг. на страницах журнала «Народное чтение» возникает альтернативная (демократическая) модель, созданная известными писателями-демократами (Марко Вовчком и М. Л. Михайловым) и основанная на критике социального порядка и формировании «прогрессивного» поведения в семье и быту.

Корпус источников: контекст, свойства, периодизация

Материалы моей библиографии рассказов из крестьянского быта 1789–1861 гг. (всего около 200 текстов)⁴ содержат небольшой пласт дидактической фикциональной литературы для грамотных крестьян, которая, будучи тематически сходна с остальными текстами, все же может быть обособлена в отдельный подкорпус из 15 текстов, опубликованных с 1839 г. по 1861 г. Главным критерием отбора стало наличие протагонистов-крестьян.

Этот подкорпус должен быть в первую очередь ограничен в жанровом отношении от большого рынка лубочной книги и низовой литературы, среди которой в конце XIX в. на религиозно-нравственные издания приходилось всего 32 % [Рейтблат 2009, 160]. Внутри этой группы преобладали жития святых и поучения, которые читались в основном возрастными группами деревенских жителей и тщательно сберегались [Там же, 161–163]. Большая же часть наименований (52 %) относилась к художественной словесности и, соответственно, приобреталась для досуга и развлечения (чтения вслух), а потому потреблялась в основном молодыми поколениями. Досуговый тип чтения не означал полного эскапизма: как показывает А. И. Рейтблат, крестьяне обращались к разным жанрам фикциональной лубочной литературы, удовлетворяя потребность в новом объекте идентификации, познании своего места в более

обширном, нежели община, окружающем мире, в силу роста осознания собственной личности [Там же, 166].

Если в конце XVIII — первой трети XIX вв. низовая литература жила своей рыночной жизнью и редко попадала в поле зрения образованных литераторов и литературной критики, то все изменилось в 1830-е гг., которые стали своего рода водоразделом, обозначившим новое отношение к ней. В первую очередь на лубочную литературу обратили внимание цензоры, все чаще запрещавшие такого типа издания, считая их вредными для народа, как показал А. И. Рейтблат [Рейтблат 2001]. Затем, уже в 1840-е гг., такие ведущие критики, как В. Г. Белинский, систематически подвергали критическим разностям лубочные издания и первые издания для народного чтения⁵. Ненависть элиты к низовой словесности была продиктована просветительскими и эстетическими установками, несовместимыми с описанными выше свойствами развлекательных и религиозных книг.

Во «взрослой» и детской литературах на рубеже 1830–40-х гг. начинается рост интереса к крестьянам и простонародью, которое все чаще становится протагонистами постепенно складывающегося жанра «рассказа из крестьянского быта» (о простонародных героях в детской литературе см. [Костюхина 2008, 77–80]). Он набирал популярность в те же 1840-е гг., но создавался для образованной читающей публики (в первую очередь подписчиков толстых журналов), должен был удовлетворять актуальным тогда критериям «художественности» и не грешить дидактизмом. Как известно, наиболее яркие образцы этого жанра были созданы В. И. Далем, И. С. Тургеневым, Д. В. Григоровичем, А. Ф. Писемским, А. А. Потехиным, Марко Вовчок и др. [Вдовин 2016]⁶.

Конец 1830-х гг. был как раз тем временем, когда в образованных литературных и чиновничьих кругах оформляется представление о том, что крестьяне нуждаются в особом типе чтения, специально разработанном для них «сверху» и соответствующем просветительским государственным задачам. Оно стало возможным только после того, как Министерство народного просвещения под руководством С. С. Уварова начало серию реформ образовательных учреждений, и в частности, начальных и воскресных школ для крестьянских детей, а также уездных училищ [Виттекер 1999, 147–164]. Одновременно, с 1837 г., в другом министерстве под руководством графа Киселева была запущена еще одна реформа, касающаяся государственных крестьян, которая ставила целью улучшить быт и управление крестьянскими общинами. Государственные ини-

циативы «сверху» встречали заинтересованное участие «снизу» (и одобрение, и критику) — в среде журналистов, издателей, литераторов, педагогов, с конца 1830-х гг. все чаще вовлекавшихся в эту образовательно-дидактическую сферу книгоиздания, которая ранее не воспринималась как стоящая внимания и не осознавалась как часть словесности. В совокупности усилия многих акторов из среды литераторов, чиновников, педагогов, администраторов составляли то, что можно назвать модернизационным устремлением российских «просвещенных бюрократов» — способствовать улучшению положения крестьян при существовании крепостного права и постепенно, изнутри системы, готовить условия для его отмены (см. об этом классическую работу: [Lincoln 1982, 43–51, 108–109, 125–138]).

В рамках тех же реформ графа Уварова были созданы условия и для интенсивного развития педагогических изданий и рекомендательной библиографии (см. [Лучкина 2011, 114–115]). Параллельно в литературной критике 1830-х гг. возникает особый тип рецензий на «детские книги», которые как раз этот в период выделяются в специальную литературную нишу. Наиболее популярными и рекомендуемыми авторами были А. П. Зонтаг, В. Бурьянов (В. П. Бурнашев), А. О. Ишимова, Б. Федоров и др. [Костюхина 2008, 44–46; Хеллман 2016, 29–30]. Однако даже у основоположника критики детской литературы В. Г. Белинского не было какой-либо продуманной и последовательной концепции «детской литературы» [Сергиенко 2015, 80]. В 1830-е гг. «неистовый Виссарион» разделял идею о необходимости особых книг для детей, однако в конце жизни, в 1846 г., полностью изменил свою позицию и ратовал за единый репертуар изданий для взрослых и детей. Примечательно, что в отношении книг для простолюдинов Белинский, судя по всему, всегда придерживался мнения о необходимости специальной литературы. Так, в рецензии на «Сельское чтение» (1843) критик приравнивал «простой народ» к детям, подчеркивая исключительную сложность его перевоспитания: «Простой народ похож на ребенка, только говорить с ним еще труднее: у ребенка ум мягок, как воск, и чужд всяких привычных понятий, а у простого народа ум и неразвит и упрям: за него надо приниматься умеючи и с толком» [Белинский 1953–59, VI, 682–683]. Другой ведущий детский писатель, критик и автор литературы для народа В. Ф. Одоевский в неопубликованном при жизни наброске «Какой науке учить народ?» без объяснений ставил ребенка и «мужика» на одну доску и советовал руководствоваться при их образовании одними и теми же

методическими и дидактическими принципами [Одоевский 1955, 299–300].

Книги для народа, которые начали целенаправленно создаваться образованными писателями и чиновниками, по моим данным, в 1839 г., отличались не только от низовой/лубочной словесности, но и отпочковались от «рассказов из крестьянского быта», хотя и имели с ними много общих черт. Дидактизм, инструктивность, четкость авторской позиции — вот что отличало этот тип литературы от смежных с ним жанров. Более того, дидактические книги для народа предназначались их создателями для борьбы с низовой и лубочной литературой, которую образованная литературная элита и критика считала эстетически беспомощной и вредной для крестьян⁷. Потенциальный читатель из народа должен был прочесть рассказанную историю и извлечь из нее моральный, религиозный или практический урок. Авторы отнюдь не скрывали своих задач и декларировали это на первых или последних страницах своих сочинений прямым текстом, поскольку важной особенностью их повествования была прямолинейность. Так, автор одной из самых первых книг для народного чтения «Деревенский староста Мирон Иванов» (334 страницы!) В. П. Бурнашев, укрывшийся на этот раз под псевдонимом Борис Волжин, заявлял:

Кончив эту книгу, желаю, чтоб вы читали ее с удовольствием и пользою, и чтобы старались исправлять себя подобно Мирону, Егору, Игнату и другим описанным здесь. Это поведет вас, друзья, к счастливой жизни на земле и к приобретению Царствия Небесного. Ежели хотя один из русских простолоудинов сделается лучше от чтения моей книги, то я буду считать себя истинно счастливым и вполне вознагражденным за труд мой [Бурнашев 1839, 333–334].

Наиболее известным в историографии издательским проектом этого периода крестьянского просвещения, без сомнения, является журнал «Сельское чтение», издававшийся кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским в 1843–48 гг.⁸ Истоки, контекст и содержание этого журнала, вышедшего совокупным тиражом около 40 тысяч экземпляров, впервые были описаны еще в рецензиях В. Г. Белинского и неплохо изучены, поэтому я акцентирую лишь важные для этой статьи аспекты. Будучи изданием сложносоставным, каждая книжка «Сельского чтения» представляла собой своего рода мини-энциклопедию, включавшую практические хозяйственные советы, притчи, расчеты-инструкции, образовательные тексты разной тематики и, наконец, фикциональные рассказы⁹.

Последние варьировали в длине — от кратких анекдотов и былей до полноценных повестей, написанных известными беллетристами 1840-х гг.: в книжке первой (1843) вышел рассказ М. Н. Загоскина «Отец Василий», в книжке третьей (1843) — «Нечистая сила» В. А. Соллогуба, в кн. четвертой (1844) — «Хмель, сон и явь» В. И. Даля (перепечатка из «Москвитянина», 1843, № 2).

За несколько лет до «Сельского чтения», в 1839 г., В. П. Бурнашев, скандально известный в свое время чиновник, литератор, детский писатель и мемуарист выпустил уже упомянутую пространную повесть «Сельский староста Мирон Иванов», которую перепечатал, почти без изменений, но под другим названием — «Село Печорино» — в следующей своей народной серии «Воскресные посиделки. Книжка для доброго русского народа» 1845 г. (пяток¹⁰ 7–10). Похожее по структуре и композиции на «Сельское чтение», это издание Бурнашева также содержало несколько фикциональных рассказов, которые попадают в наш корпус: «Мешок с полуимпериялами» (1844, пяток 1) и «Золото в руках бедной швеи» (1844, пяток 4).

За год до первой книжки «Сельского чтения» Федор Русанов выпустил том «Русских простонародных рассказов. Опыт издания для народного чтения» (М., 1842), до 1860 г. выдержавших 10 переизданий. Из этого сборника нас будет интересовать в первую очередь рассказ «Честный извозчик».

Замыкает первую волну дидактических изданий для народа издание Марии Корсини «Народное чтение» 1851 г., состоявшее из двух выпусков. Если первый был наполнен короткими нравочениями и притчами, то во втором появился небольшой «Рассказ о сапожнике Терентье и о его семье» (sic!).

Всплеск первой волны изданий для народного чтения пришелся на середину 1840-х — гг. и сошел на нет к 1852 г. Вторая волна предсказуемо была связана с подготовкой отмены рабства и выпала на 1859–1861 гг., когда в Петербурге под редакцией А. Оболенского и Г. Щербачева выходил журнал «Народное чтение». На его страницах, наряду с инструктивными текстами, были опубликовано 6 следующих фикциональных рассказов, принадлежавших перу как известных, так и второстепенных авторов: «Надѣжа» (1859. Кн. 1), «Катерина» (1859. Кн. 2), «Саша» (1859. Кн. 3) Марко Вовчок; «Шелковый платок, деревенская быль» М. Л. Михайлова (1859. Кн. 4); «Антип» Ив. Кушнерева (1860. Кн. 2); «Пропащая голова» А. С. Афанасьева-Чужбинского (1861. Кн. 1).

Таким образом, мой корпус фикциональных текстов для народного чтения составляет 15 рассказов, опубликованных с 1839 г.

по 1861 г. и позволяющих выяснить, каким образованные авторы представляли себе типичного крестьянина и какие качества в субъектах чтения должно было культивировать. Из текстов первой волны чтения для народа в культурной памяти остались, пожалуй, лишь некоторые рассказы из «Сельского чтения», поскольку издание высоко оценил Белинский¹¹. Книги же Бурнашева были им сурово раскритикованы как вредные для крестьян и эстетически беспомощные, поэтому у них не было шансов. 10 переизданий книги Русанова, которые не удостоились критических отзывов, напротив, говорят о высоком спросе на них среди читающей (скорее всего, городской простонародной) публики 1840–50-х гг. Пренебрежение Белинского к Бурнашеву и забвение других изданий для народа не делают их неинтересными для современного исследователя. Напротив, это вычеркивание из истории литературы указывает на вымерший пласт словесности, которая требует археологических разысканий.

Конструирование патриархального крестьянского субъекта

Исследовать конструирование крестьянского субъекта в текстах для народного чтения можно разными методами. Поскольку в рамках этой работы меня интересуют фикциональные произведения, в первую очередь я обращаю внимание на их сюжетную структуру — последовательность повествовательных звеньев, выстроенную в определенной логике на основе фабульного материала¹². Это свойство принципиально отличает их от других жанров дидактических книг (и сближает с детской литературой). Анализ сюжета коротких повествовательных текстов для решения таких задач удобнее всего было провести с помощью метода выявления «элементарных сюжетов», опробованного Т. А. Китаниной на большом массиве предпушкинской прозы¹³ [Китанина 2005]. Тип «элементарного сюжета» определяется на основании ситуации, которая в фабуле произведения приводит в действие ключевой конфликт между героями. Таким «триггером», согласно наблюдениям Китаниной, чаще всего становились ситуации разлуки возлюбленных, соперничество мужчин за руку героини, запрет на брак молодых людей со стороны отца девушки и др. Хотя Китанина в своем исследовании не идет дальше решения сугубо морфологических задач в классификации сюжетных типов, с точки зрения интерпретации напрашивается следующий шаг. Резонно предположить, что за каждым типом «элементарного сюжета» стоит соотнесенное

с ним представление о функционировании общества или локального крестьянского сообщества, связей между его членами, между крестьянами и помещиками, между крестьянами на горизонтальном уровне и, наконец, определенное представление о субъекте поступков, о его нравственности и ценностях¹⁴. Соответственно, если в распределении элементарных сюжетов одни будут преобладать над другими, это может однозначно указывать на то, какие представления о социальных связях авторы текстов (неважно, сознательно или нет) транслируют или даже навязывают читателям-простолудинам.

Если проанализировать сюжеты пятнадцати рассказов корпуса под таким углом зрения, они распадаются на четыре группы. Первая группа состоит из четырех текстов, где имеется фабула, но ни в какой связный сюжет действие не выстраивается. Вторая группа, также из пяти рассказов, написана на элементарный сюжет «Искушение». Третья группа текстов, в которую входят четыре рассказа, связана с элементарными сюжетами «разлука», «соблазнение», и «запрет на брак», т. е. покрывается тематикой любви и семьи. Наконец, четвертая малочисленная, но крайне важная группа из двух рассказов связана с элементарным сюжетом «Насилие». Первые две группы текстов воплощают гораздо более патерналистское отношение элит к крестьянам и будут рассмотрены в этом разделе статьи. Другие две группы, вышедшие накануне отмены крепостного права, транслируют более демократические и просветительские ценности, что заставляет говорить о них отдельно.

К первой группе можно отнести четыре текста, в которых невозможно выделить один четкий элементарный сюжет, поскольку текст распадается на цепочку микросюжетов, не связанных в единое сюжетное развитие. Так, длинная повесть Бурнашева «Сельский староста Мирон Иванов» открывается объемным эпизодом о расточительстве жены Мирона, которая, будучи любительницей красиво пожить, выкрала у мужа перстень в полторы тысячи рублей, оставленный ему в залог купцом. Сельский священник отец Никандр спасает семью от разорения, уговаривая станового пристава вернуть проданное женой Мирона кольцо. История служит ей уроком, и в семью Иванова возвращаются мир и благополучие. Следующий эпизод повествует о кознях соседа Мирона — столяра Егора, который видит в старосте своего кровного врага и чинит ему всяческие неприятности. Выход из ситуации находит не кто иной, как тот же отец Никандр, пристыжающий Егора, который раскаивается и становится лучшим другом Мирона. Список эпизодов легко

было бы продолжить, поэтому я обращаю внимание на два обстоятельства. Во-первых, повесть Бурнашева лишена цельной сюжетной линии и напоминает скорее лубок XIX в., где в каждом эпизоде с протагонистом происходит некое происшествие, обязательно счастливо разрешающееся. Во-вторых, разрешение коллизии наступает всегда (во всех дальнейших эпизодах повести) с пастырской помощью отца Никандра, который, подобно *deus ex machina*, легко разрешает все споры и перевоспитывает даже самых злостных негодяев. В финале повести в игру вступает еще и третье лицо — князь Честов, хозяин имения, где происходит действие, порядочный барин, играющий роль доброго отца для своих крестьян.

Замысел Бурнашева виден невооруженным глазом. Повесть должна была стать для читающих крестьян руководством избегать грехов — алчности, пьянства, прелюбодеяния, зависти и др. Каждый микросюжет «Мирона Иванова» иллюстрировал один из пороков и показывал его разоблачение от противного и с помощью представителя церкви. Ее ведущая роль в формировании нравственности крестьян в этом тексте совершенно очевидна. На эту же тему М. Н. Загоскин написал короткий рассказ «Отец Василий» [Загоскин 1843], в котором добродетельный священник наставляет прихожан, в частности мирит двух рассорившихся невесток.

Вместо классического развития конфликта в подобного рода рассказах всегда возникает отклонение от моральной, социальной или религиозной нормы и ее восстановление. В «Рассказ о сапожнике Терентье и о его семье» М. А. Корсини [Корсини 1851] изображается счастливая семья главного героя, который ведет праведную жизнь. Внезапно она разрушается из-за пожара, однако добрые соседи и неравнодушные люди материально помогают погорельцам, и нормальное течение жизни восстанавливается. Наконец, небольшой рассказ-сценка Н. В. Успенского «Рассказ за чаем» [Успенский 1859] повествует о мельнике Антипке, который прикинувшись знахарем и колдуном, пытался извлечь из этого материальную выгоду, но в конце концов был выведен на чистую воду и сослан в острог — в наказание всем остальным крестьянам.

Вторую большую группу образуют пять рассказов с элементарным сюжетом «Искушение». К нему относятся «Честный извозчик» Ф. Русанова (1842), «Хмель, сон и явь» В. И. Даля (1843), «Нечистая сила» В. А. Соллогуба (1843), «Мешок с полуимпериялами» и «Золото в руках бедной швеи» В. П. Бурнашева (оба — 1844). Нужно сразу сказать, что «Искушение» является одним из наиболее частотных сюжетов рассказов о крестьянах: с конца XVIII в. и до 1895 г.

не менее 26 текстов (рассказы, драмы и одно стихотворение Некрасова) целиком построены на нем, причем в 12 из них протагонистом является извозчик.

Впервые мотив искушаемого деньгами простолюдина-извозчика встречается в зачаточном виде в рассказе И. И. Запольского «Извозчик» (отмечено в: [Вершинина 1997, 128]). Здесь нет еще сюжета, есть лишь фабула — рассказ старика возницы, как барин однажды оставил ему 100 рублей «на спрят» и ушел в дом, однако совестливый извозчик вернул ему деньги от греха подальше [Запольский 1798, 405]. Полноценное же освоение сюжета об искушении извозчика происходит в повестях выходцев из низших сословий — купца Н. А. Полевого и крестьянина по происхождению М. П. Погодина. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. они превратили городские анекдоты в художественные повести и рассказы для привилегированных сословий — уже упомянутый «Мешок с золотом» Полевого и три «психологических явления» Погодина — «Корыстолюбец», «Неистовство» и «Искушение» (все — 1832). Оба писателя делали акцент на психологических переживаниях человека из народа, столкнувшегося с большими деньгами (как правило, это несколько тысяч рублей — колоссальная по тем временам сумма). Во всех четырех текстах герой испытывает сильное искушение овладеть богатством, однако развязка разнится. В описаниях момента искушения авторы не задействуют инфернальные коннотации, хотя намеки на дьявольское наваждение могут возникать в речи нарратора, как это происходит в новелле Погодина «Искушение». Рудиментарные отсылки к вмешательству нечистой силы (дьявола или беса) — знак столь распространенных в романтической культуре сюжетов о контактах с потусторонним миром, однако в крестьянской версии тот же набор аллюзий может отсылать напрямую к одному из источников самой романтической инферналианы — религиозным текстам и фольклору. Адаптация инфернальных сюжетов высокой литературы под простонародных героев сопровождалась деперсонализацией нечистой силы или же, напротив, сведением ее лишь к одному существу — бесу-искусителю, в отличие от многообразия призраков в физическом мире готической и романтической прозы. Характерно также и то, что все тексты, основанные на элементарном сюжете «Искушение», вращаются вокруг денег или материальных благ, которые пробуждают в герое ранее дремавшую алчность — тяжкий грех, исчисленный в Писании.

Во всех пяти рассказах для народного чтения исходная ситуация связана с бедственным или, по крайней мере, шатким положением

главного героя/героини. Оно создает предпосылки и условия для искушений. Интрига заключается в том, что протагонисту предстоит пройти испытание на прочность его моральных и религиозных принципов: он должен сопротивляться дурным мыслям, соблазну легкой наживы или бесовскому наваждению. Здесь возможны два сценария развития действия. Рассмотрим каждый из них отдельно.

В рассказах «Честный извозчик» Ф. Русанова [Русанов 1842], «Мешок с полуимпериалами» [Бурнашев 1844a] и «Золото в руках бедной швеи» В. П. Бурнашева [Бурнашев 1844b] герою/героине совершенно случайно попадает в руки богатство. Такие сюжеты оканчиваются обычно благополучно: герой/героиня возвращает деньги их владельцу, получает вознаграждение и обретает душевный покой. Так, в рассказах «Честный извозчик» и «Мешок с полуимпериалами», входящими в более обширный «куст» текстов об искушениях извозчика (см. [Вдовин 2023]), возницы оказываются порядочными и не тратят оставленные седоками деньги, за что получают от них еще большее вознаграждение. В «Золоте в руках бедной швеи» героиня Маша случайно находит золотой империал (эквивалентный 39 рублям) в капоте графини, оставляет его себе, чтобы поставить камень на могилу матери, однако ее начинает мучать совесть и она, ранее разменяв империал, накапливает 39 целковых рублей, обменивает их на такой же империал и возвращает его графине. Та одаривает ее за это 50 рублями, что значительно превосходит изначальную сумму даровой прибыли.

Как легко заметить, деньги играют особую роль в развитии такого типа сюжетов. Это объясняется тем, что, создавая тексты для «простого народа», писатели исходили из дидактических представлений о богатстве и деньгах, наделенных в фольклоре, религии и литературе негативными коннотациями (поклонение «золотому тельцу» — грех, см. например: [Богданов 1995, 63–74]). Конструируемый в тексте для народного чтения субъект предстает как носитель живого религиозного чувства, которое позволяет ему сопротивляться дьявольскому искушению. Социальное дисциплинирование потенциального простонародного читателя происходило через сюжеты, прямолинейно объяснявшие, что брать чужое нехорошо. Народные представления о «нечистых» деньгах в данном случае хорошо коррелировали с утверждением сословного status quo и имущественного неравенства.

Второй сценарий развития сюжета направляет его по другой траектории. В той же исходной ситуации герой, терпящий нужду, сталкивается с дьявольским искушением, которое он оказывает-

ся не в силах преодолеть, и совершает преступление, разумеется, в разных обстоятельствах и с последствиями разной степени тяжести. В «Нечистой силе» В. А. Соллогуба мужик Тарас, «слабая голова», мечтает разбогатеть и, подговариваемый нечистым, решает убить остановившегося на его дворе купца, чтобы завладеть его туго набитым бумажником. Однако вместо купца Тарас убивает топором свою мать, с которой купец поменялся перед сном кроватями. В итоге убийца сходит с ума, и его отправляют на каторгу [Соллогуб 1843]. Герой рассказа «Хмель, сон и явь» В. И. Даля плотник Степан Воропаев так же слаб духом, он сильно пьет и попадает в неприятную историю. Хозяин постоялого двора решает его убить и ограбить, однако Степан, упреждая, сам убивает его и забирает у покойника сто рублей. С тех пор герой зарекается пить, однако продолжает опускаться и чуть было не убивает своего собутыльника, в результате чего сам доносит на себя полиции [Даль 1843]¹⁵.

В отличие от историй о добродетельных простолюдинах, рассказы о преступниках красочно представляли взору читателей уголовные последствия необузданных порывов и греховных страстей. Криминализация зависти, пьянства и алчности, по замыслу авторов, должна была недвусмысленно указать грамотным читателям из народа, насколько грешно, опасно и невыгодно им поддаваться¹⁶.

Во время второй волны изданий для народа, в 1859–61 гг., элементарный сюжет «Искушение» оставался актуальным. Отдельной книгой выходит пропагандирующий трезвость рассказ А. Ф. Погосского «Первый винокур» (СПб., 1860), много лет спустя послуживший источником одноименной дидактической пьесы Л. Н. Толстого¹⁷, а журнал «Народное чтение» в 1861 г. перепечатывает сокращенную и упрощенную для народа версию повести А. П. Кобяковой «Неожиданное богатство» под названием «Легкое богатство». В ней дьячок Василий крадет десять тысяч рублей из незакрытой шкатулки князя, но затем скорострительно умирает, перед смертью открыв жене и сыну источник несправедно нажитого богатства.

Читаемые в контексте еще более моралистических коротких историй и практических сельскохозяйственных советов и религиозных наставлений, подобные рассказы, очевидно, должны были воздействовать на крестьян и формировать у них религиозную субъектность правоверных подданных, долженствующих жить по закону и совести. Примечательно, что такая цель коррелировала с позицией православной церкви, транслируемой через сельских священников. Например, один из учеников воскресной школы в 1891 г.

рассказывал учительнице воскресной школы о своем священнике, который давал ему читать некую книгу о загробных мучениях, прибавляя: «Такое материальное изображение мучений необходимо для народа, для совсем необразованного человека, которого оно может удержать от дурных поступков» [Кислинская-Вахтерова 2020, 98].

Может сложиться впечатление, что описанные типы сюжетов («искушение», «разлука», «насилие» и др.) не сообщают нам ничего нового и характерного об образах крестьян в обсуждаемых рассказах для народа. Однако сам факт того, что такие сюжеты фиксируют очень традиционные и патриархальные модели социального взаимодействия (например, запрет со стороны родителей выходить замуж по любви за бедняка или искушение простолюдина большими деньгами), на самом деле указывает на консервативные патриархальные и патерналистские установки тех авторов, которые создавали произведения с такими сюжетами. Все они должны были законсервировать жизнь крестьян в том беспроблемном и «стерилизованном», едва ли не идиллическом виде.

Сюжет для народа и для детей: случай В. П. Бурнашева

Насколько могли пересекаться и совпадать по установкам и типу сюжета детская литература и книги для народа в 1830–40-е гг., хорошо видно на примере популярного детского автора В. П. Бурнашева, который в 1840-е гг. переключился на тексты для простолюдинов (см. о нем [Хеллман 2016, 60–64]). Уже современники (Белинский) уличали его в плагиате: Бурнашев мог полностью или частично перепечатывать чужие сочинения, меняя их заглавия и выдавая их за свои.

Описанный выше рассказ Бурнашева «Деньги в руках бедной швеи» из «Воскресных посиделок» является сокращенной переделкой его же повести «Империял, или Маленькая швея из модного магазина», вошедшей в сборник 1836 г. «Детский рассказчик» [Бурнашев 1836]. Структура элементарного сюжета «Искушение» в обоих текстах для разных аудиторий идентична: главные героини (Малаша Галкина — в первой версии и Маша — во второй) являются швеями, случайно находят империял, искушаемы огромной суммой, тратят ее часть, но потом, мучимые совестью, работая по ночам, копят потраченные деньги и возвращают их владелице, за что вознаграждаются 50 рублями ассигнаций. Различия касаются частностей сюжета и стиля. Детская версия более пространна, ри-

торична, с вкраплением французских названий магазинов и отступлений о модах Петербурга. В простонародной редакции Бурнашев избавляется от этого антуража, существенно упрощая язык, стиль и реалии. Кардинальное различие в сюжете двух версий касается целей, на что героиня тратит деньги. В версии для детей Маша живет с матерью (офицерской вдовой) и, скрывая от нее деньги, начинает ходить в Александринский театр на балеты. В простонародной редакции Маша тратит всю сумму на памятник покойной матери. Угрызения совести в обеих версиях совпадают, поскольку в понимании Бурнашева работа совести не зависит от сословия и детского возраста: Маша «старалась заглушить голос своей совести. <...> Маша была очень молода, конечно, но совесть имеет голос во всяком возрасте, и дети даже моложе ее умеют сознавать свои проступки» [Бурнашев 1836, 361]. Первая редакция более богата на перипетии сюжета: Маша встречает в омнибусе генерала, который подозревает ее в краже императора, а в финале оказывается братом графини. В более поздней народной версии эти осложняющие моменты удалены.

Случай Бурнашева обнажает глубинное родство и единство дидактической функции массовой литературы для детей и для простонародья в 1830–40-е гг. в понимании образованной элиты. Конструируемый в двух редакциях детский и народный субъект был идентичным и формировался через сюжет об искушении (испытании совести) на примере девушки, душа которой еще не успела утратить пластичность и погрязнуть в обмане. Поскольку тексты Бурнашева практически не исследованы, дальнейший текстологический анализ может выявить и другие случаи использования детских текстов для народного чтения.

Альтернативная субъектность и эмансипация

Во вторую волну популярности изданий для народного чтения, в самый разгар бурной и разветвленной подготовки отмены крепостного права, возникают рассказы, авторы которых пытались дистанцироваться от навязываемой читателям из народа социальной роли верноподданных и создать то, что можно было назвать «альтернативной субъектностью». Она реализовывалась в текстах через социальную критику существующего социального порядка (даже если герои в финале гибнут) и через пропаганду новых, более демократических моделей семейного и социального поведения. Все такие рассказы принадлежат к 3-й и 4-й группе элементарных

сюжетов. Они появлялись в журнале «Народное чтение», которое на подъеме либерального движения 1860-х гг. представляло собой демократическое предприятие с очень пестрым и разнообразным кругом вкладчиков, включая демократическое крыло известных русских писателей (М. Л. Михайлов, А. Н. Плещеев и др.) и деятелей украинской литературы Т. Г. Шевченко и Марко Вовчок (М. А. Маркович).

Четыре рассказа в моем подкорпусе образуют 3-ю группу сюжетов, объединенных темой семьи, любви и брака. Два рассказа связаны с весьма популярным в «большой» литературе и рассказах из крестьянского быта сюжетом «Запрет на брак». Обычно он разворачивается исходя из родительского или помещичьего запрета на брак (или невозможности вступить в него из-за неравного положения). В то время как обычно такой запрет исходил от патриархального отца, который организует выгодный для семьи брак, не считаясь с чувствами дочери, в «Народном чтении» появились истории, пропагандирующие отказ от насильственных браков и учет интересов молодых людей (дочерей или сыновей). Так, в рассказе Ив. Кушнерева «Антип» [Кушнерев 1860] добродетельный крестьянин Антип не надеется выдать племянницу сироту за сына богатого бурмистра, хотя молодые люди любят друг друга. Внезапно, однако, бурмистр сам инициирует этот брак, даже несмотря на то, что накануне престольного праздника нищий грабитель крадет у Антипа все сбережения. Другой рассказ «Пропащая голова», опубликованный А. С. Афанасьевым-Чужбинским в 1861 г. (кн. 1), повествует о Ларионе, сыне богатого владельца постоянного двора Федотыча, который не позволяет сыну жениться на обожаемой им Паране, желая женить его на богатой вдове Арине. В итоге Ларион с горя начинает пить и после свадьбы на ненавистной ему женщине окончательно спивается, от него уходит жена, а отец умирает.

Таким образом, в преддверии великих реформ некоторые авторы начинают продвигать для народного чтения истории, пропагандирующие новые модели матримониального поведения, не характерные для в целом патриархального уклада традиционных крестьянских домохозяйств [Moon 1999, 158–169] и предвосхищающие структурные изменения в нем после 1861 г. Наиболее радикальные варианты в этом смысле предлагала в своих рассказах из простонародного русского (и украинского) быта и для народного чтения Марко Вовчок. В 1859 г. она опубликовала в «Народном чтении» три русских рассказа — «Надѣжа» (кн. 1), «Катерина» (кн. 2) и «Саша» (кн. 3)¹⁸. В первом рассказе «Надѣжа» главная героиня влюбляется

в богатого мужика Ивана Петровича, который вот-вот посватается к ней, однако уезжает погулять на соседнюю фабрику и уже не возвращается оттуда, поскольку его, пьяного, женят на местной гулящей женщине Карповой. Продолжая любить друг друга, Иван и Надя украдкой встречаются, однако Карпова препятствует этому, и в итоге Надя, страдая от разлуки, чахнет и умирает. За ней умирает и Иван. Рассказ «Саша» не менее трагичен и развивает элементарный сюжет «Соблазнение», восходящий в русской литературе к «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина. Крестьянскую девушку Сашу бары вызывают к себе в город, где в нее влюбляется племянник барина, причем взаимно. Саша беременеет, однако племяннику запрещают на ней жениться, и ребенок вскоре умирает. Саша принимает решение уйти в монастырь, где ее жизнь внезапно обрывается. Наконец, последний рассказ Вовчок «Катерина» тематизирует крайне редкий для литературы о крестьянах тип сюжета, который я назвал «Насилие» и который возник в русской литературе о крестьянах только в 1846 г. в повести Д. В. Григоровича «Деревня». Конфликт в таком типе сюжета всегда запускается в результате намеренного или неумышленного насильственного действия по отношению к протагонисту со стороны родителей, помещика или бурмистра. Это может быть насильственная выдача замуж, телесные наказания, взыскание недоимок, изоляция, принудительное переселение и т. д. В «Катерине» барыня забирает героиню в город из деревни и насильно выдает замуж. Мужа Катя, естественно, не любит и постоянно конфликтует с ним, хотя тот обожает ее. Не находя выхода своему горю, Катерина начинает выпивать и одновременно осваивает ремесло знахарки (перенимая его от местной). В финале героиня, как это часто бывает в рассказах Вовчок, заболевает и умирает.

Если насилие в рассказе Вовчок исходит со стороны помещицы, то в рассказе известного поборника женской эмансипации М. Л. Михайлова «Шелковый платок» насилием пронизаны отношения внутри крестьянской семьи. Богатый извозчик-питерщик Иван Кононов берет в жены сироту Настасью, однако его мать Семеновна сразу же невзлюбила ее и начала травить. Кульминацией становится навет, которому свекровь подвергает невестку, внушая сыну ложную мысль о том, что Настасья якобы передарила другому алый шелковый платок — мужнин подарок. Обезумевший от ревности Иван избивает жену, отчего у нее случается выкидыш. С тех пор нормальной жизни у супругов не было, т. к. Настасья не могла простить мужу убийства ее ребенка. Героиня стала чахнуть и в итоге умерла. Иван с матерью обеднели и прослыли на селе нелюдимыми.

Посыл рассказа Михайлова, равно как и историй Вовчок, считался однозначно: это был протест против традиционных форм домашнего и помещичьего насилия, открыто гуманистический призыв уважать человеческое достоинство, в первую очередь женщин, которое очень легко и повсеместно подавлялось. В ситуации подготовки отмены рабства и на волне общественного интереса к ней, такие тексты не только пропускались цензурой (пусть и с небольшими искажениями), но и вызвали огромный резонанс: критика считала рассказы Вовчок и Успенского «новым словом»¹⁹.

Таким образом, журнал «Народное чтение» можно рассматривать как первую серьезную попытку накануне реформы 1861 г. создать демократическое видение крестьянской субъектности, противопоставленное патерналистскому дискурсу, распространенному в 1840-е гг. в различных изданиях для крестьян и конструирующего субъекта в виде верующего и добродетельного поданного. Отмена рабства повлекла за собой новый этап и новые проекты, рассмотрение которых выходит за пределы этой статьи²⁰.

Сейчас крайне сложно выяснить, как воспринимались описанные выше дидактические произведения самими адресатами чтения. Крестьянских автобиографий до 1861 г. сохранились единицы, а полные исследования различных типов чтения начались только в 1880-е гг. Проводивший их на заводах и в селах юга Российской империи (современная Украина) Семен Ан-ский (Шломо Рапопорт), например, выяснил, что крестьянин благосклонно и с интересом относится к поучительным и нравоучительным книгам, поскольку категоризирует их как «божественные» и серьезные [Ан-ский 2017, 83], однако многие тексты, где нечистая сила фигурировала в качестве персонифицированного персонажа (черта, ведьмы, лешего и др.) попадали в восприятие крестьян в противоположную категорию «сказок», несерьезных, вроде «чепухи», развлекательной литературы и не могли вызвать того воздействия, на который часто рассчитывали сочинители подобных изданий [Там же, 146]. Отсюда может следовать, что дидактические сочинения с элементами фантастики и явлением нечистой силы (такие, как «Нечистая сила» Соллогуба или «Первый винокур» Погосского) могли бить мимо цели. Об этом косвенно свидетельствует читательский отзыв о рассказе Соллогуба (к сожалению, сверхкраткий), зафиксированный в знаменитом сборнике «Что читать народу»: «Рассказ

„Нечистая сила“ одним нравится, другим нет» [Что читать народу, 1889. II. 249]. Скорее всего, часть аудитории явно не была удовлетворена не совсем правдоподобной перипетией этого дидактического рассказа, в котором, как мы помним, искушаемый бесом герой случайно убивает топором собственную мать.

Сборник «Что читать народу?» сохранил для потомков отклик и на второй описанный мной тип дидактических рассказов, в котором конструировалась демократическая субъектность читателя. Вот как Х. Алчевская описывала реакцию слушательниц на рассказ Марко Вовчок «Саша»:

Малограмотные ученицы воскресной школы слушали рассказ с захватывающим вниманием. Меня интересовал вопрос, отнесут ли они этот факт в давно прошедшему или рассмотрят те же предрассудки в обществе и в настоящем. Вопрос этот так разрешила за меня женщина, с особенным вниманием слушавшая рассказ: «И теперь то же самое, — произнесла она с каким-то озлоблением, — даром что крепостное право миновало». Рассказ рекомендуется исключительно для взрослых [Что читать народу, 1906. III. 65].

Стилистическая простота повествования в сочетании с убедительно звучащими свидетельствами пережитых протагонисткой травм в рассказах Маркович, очевидно, создавали в воображении слушательниц очень сильный эффект сопереживания и проекции на личный опыт.

Подводя итоги, можно констатировать, что в 1840-е гг. и первой половине 1850-х гг. в создаваемой «сверху» литературе для народа доминировала установка на конструирование патриархального крестьянского субъекта (добродетельного верноподданного), который во многом был смоделирован по образцу ребенка и задействовал репертуар сюжетов и идеологию из детской литературы 1830-х гг. (случай В. П. Бурнашева). На рубеже 1850-х гг., накануне отмены крепостного права, радикальная часть литературного сообщества начала воспринимать эту модель как глубоко архаичную и предложила альтернативу. Такие известные своим демократической позицией авторы, как М. Л. Михайлов и Марко Вовчок, на страницах журнала «Народное чтение» моделировали гораздо более эмансипированного читателя-простолюдина, в том числе женщину, которые должны были использовать чтение для становления собственной субъектности через социальную критику действительности в этих текстах. Как обе модели взаимодействовали после 1861 г., еще предстоит объяснить, однако совершенно очевидно,

что они являют собой попытки образованной элиты управлять «народом», а точнее простонародьем, и дисциплинировать его с помощью, в том числе, и такого средства, как чтение.

Примечания

- ¹ Обзор исследований о репрезентации крестьян в литературе см. [Vdovin, Zubkov 2021].
- ² Я не касаюсь и компаративного контекста проблемы, хотя исследование чтения среди французских крестьян XIX в., проведенное Лайонсом, открывает широкие возможности для сопоставлений и сравнений. В частности, хотя французское Министерство образования точно так же, как и российское, стремилось полностью контролировать крестьянское чтение и боролось с разносчиками и коробейниками (фр. *colporteurs*), во Франции 1840–80-х гг. не возникло столь же влиятельной традиции создавать специальные книги для народного чтения, как в Российской империи [Lyons 2001, 129–155].
- ³ Представленные в статье примеры этого пересечения подтверждают наблюдения А. А. Сенькиной, которая обратила внимание на то, что «русский перевод немецкой книги для детей „Детский друг“ Ф. Э. Рохова, изданный в 1797 г., имел подзаголовок „Книга для чтения поселянам“, а книга В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого-Десятовского „Рассказы о Боге, человеке и природе. Чтение для детей дома и в школе“ (1849), судя по всему распространялась в сельских училищах» [Сенькина 2010, 42, 61–62]. М. С. Костюхина также отмечает, что некоторая часть детских повестей входила в круг «народного чтения», но не развивает этот тезис [Костюхина 2008, 60].
- ⁴ Библиография составлена на основе просмотра всех существующих библиографий толстых журналов указанного периода и просмотра *de visu* журналов, содержание которых не расписано. Также были учтены рассказы и повести о крестьянах, вышедшие отдельными изданиями и в составе альманахов и сборников.
- ⁵ Так, в 1844–45 гг. Белинский критиковал на страницах «Отечественных записок» все выпуски «Воскресных посиделок» В. П. Бурнашева.
- ⁶ Отметим, что некоторые из перечисленных авторов одновременно проповедовали свои силы сразу в двух жанрах для разных и не пересекающихся аудиторий. Как будет ясно далее, к ним относятся Даль, Вовчок и Успенский.
- ⁷ Историю этой борьбы в серии изданий для народа в более поздний период начала 1860-х гг., предпринимавшихся А. Ф. Погоским и Н. А. Некрасовым, подробно раскрывает М. С. Макеев [Макеев 2013].
- ⁸ Об истории создания, концепции и прагматике «Сельского чтения» см.: [Никодимова 2018; Никодимова, Сорочан 2019].

- ⁹ Белинский выделял в «Сельском чтении» два типа текстов — нравственные и учебные [Белинский 1953–59, VI, 686], однако такая классификация не выдерживает критики, поскольку в ней используются разные критерии. Роспись содержания всех книжек см. в [Никодимова 2018, 71–76].
- ¹⁰ Здесь «пяток» — пять текстов, составляющих отдельную брошюру.
- ¹¹ Следует добавить, что Белинский безоговорочно хвалил лишь первые две книжки «Сельского чтения». В составе третьей книжки он нашел два рассказа В. И. Даля и Д. С. Протопопова, в той же степени вредные для крестьян, что и лубочная литература [Белинский 1953–59, IX, 304].
- ¹² Вслед за В. Б. Шкловским под фабулой я понимаю последовательность событий (как они произошли в реальности), а под сюжетом — то, как о них рассказано (нарратив, сюжет). Подробнее о дихотомии «фабула-сюжет» в теориях русских формалистов см.: [Шмид 2003, 146–154].
- ¹³ Опираясь на методологию фольклористов (в частности, на понятие «элементарного сюжета» Б. Кербелите), Т. А. Китанина выявила несколько наиболее частотных типов элементарных сюжетов — «разлука», «соперники», «запрет на брак» и др. Собранный мной обширный корпус из 200 текстов о крестьянах позволил идентифицировать еще несколько крупных групп — например, «Искушение» и «Насилие», о которых речь пойдет ниже.
- ¹⁴ Из теоретических работ на эту тему до сих пор не потеряла актуальности классическая статья Ю. М. Лотмана «Сюжетное пространство русского романа» [Лотман 1993].
- ¹⁵ Недавнее исследование рассматривает сложную нарративную структуру рассказа Даля [Никодимова, Сорочан 2019].
- ¹⁶ «Сельское чтение» было наполнено и другими анекдотами и былями о неправильных поступках крестьян. Например, в книге третьей был помещен рассказ В. Ф. Одоевского «Что значит украсть пяточок?» о мальчике Игнаше, бывшем в услужении у купца и стащившем у него сначала пяточок, а потом все более крупные суммы. Мальчик превратился в закоренелого вора и кончил колодником.
- ¹⁷ См. [Donskow 1973].
- ¹⁸ В 1859–60 гг. М. А. Маркович сотрудничала с сотрудником типографии П. А. Кулиша Д. С. Каменецким, который издавал в Киеве серию дешевых книжек для народа на украинском языке «Сельская библиотека» и включил в них несколько рассказов Марко Вовчка. См. [Лобач-Жученко 1987, 80–83].
- ¹⁹ О резонансе народных рассказов Марко Вовчка см.: [Дорошкевич 1986, 129–145].
- ²⁰ Укажу лишь, что Комитет грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе включил во второе издание «Списка русских и малороссийских книг, одобренных Комитетом грамотности для народных учителей и школ и для народного чтения» (1863) «Надѣжу»

Вовчок и «Рассказ за чаем» Успенского, напечатанные в «Народном чтении» [Лобач-Жученко 1987, 91].

Литература

Источники

Белинский 1953–59 — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); редколлегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Б. И. Бурсов (зам. гл. ред.), А. Г. Дементьев, В. А. Десницкий, В. С. Нечаева, Н. К. Пиксанов, В. С. Спиридонов, Б. В. Томашевский. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Бурнашев 1836 — [Бурнашев В. П.] Детский рассказчик, или Собрание повестей, сказок, рассказов и театральных пьесок. СПб.: А. В. Глазунов, 1836. Ч. 1.

Бурнашев 1839 — [Бурнашев В. П.] Деревенский староста Мирон Иванов: Народная быль для русских простолюдинов / Соч. Бориса Волжина. СПб.: тип. С.-Петербур. губ. правл., 1839.

Бурнашев 1844a — Бурнашев В. П. Мешок с полуимпериялами // Бурнашев В. П. Воскресные посиделки. Книжка для доброго русского народа: Первый пяток. СПб., 1844. С. 98–102.

Бурнашев 1844b — Бурнашев В. П. Золото в руках бедной швеи // Бурнашев В. П. Воскресные посиделки. Книжка для доброго русского народа: Четвертый пяток. СПб., 1844. С. 13–26.

Даль 1843 — Даль В. И. Хмель, сон и явь // Москвитянин. 1843. № 2. Изящная словесность. С. 6–29.

Загоскин 1843 — Загоскин М. Отец Василий // Сельское чтение. Кн. 1. 1843. С. 1–16.

Запольский 1798 — Запольский И. И. Извозчик // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 19. С. 401–412.

Кислинская-Вахтерова 2020 — Кислинская-Вахтерова Э. О. Дневник учительницы воскресной школы и другие произведения. М.: Common Place, 2020.

Корсини 1851 — Рассказ о сапожнике Терентье и о его семье // Корсини М. А. Народное чтение. СПб., 1851. Кн. 2. С. 6–32.

Кушнерев 1860 — Кушнерев Ив. Антип // Народное чтение. 1860. Кн. 2. С. 110–136.

Одоевский 1955 — Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1955.

Русанов 1842 — Русанов Ф. Честный извозчик // Русанов Ф. Русские простонародные рассказы. Опыт издания для нар. чтения. М.: тип. Н. Степанова, 1842. С. 92–98.

Соллогуб 1843 — Соллогуб В. А. Нечистая сила // Сельское чтение. 1843. Кн. 3. С. 20–28.

Успенский 1859 — Успенский Н. В. Рассказ за чаем // Народное чтение. 1859. Кн. 1. С. 179–193.

Что читать народу — Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьков. частной жен. воскрес. шк. Х. Д. Алчевской, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко и др.. Т. 1–3. СПб.; М., 1888–1906.

Исследования

Агафонова 2019 — Агафонова Я. Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 77–93.

Агафонова 2022 — Агафонова Я. Я. Классика для народа как просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений в поздний период Российской Империи: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“». Москва, 2022.

Ан-ский 2017 — Ан-ский С. Народ и книга. М.: Common Place, 2017.

Богданов 1995 — Богданов К. А. Деньги в фольклоре. СПб.: Белл, 1995.

Вдовин 2016 — Вдовин А. В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX в. // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). С. 287–315.

Вдовин 2023 — Вдовин А. В. Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и морфология сюжета // Новое литературное обозрение. 2023. № 4. (В печати).

Вершинина 1997 — Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830–1840-х годов: (Проблемы жанра и стиля). Псков: Псковский гос. пед. ин-т, 1997.

Виттекер 1999 — Виттекер Ц. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999.

Дорошкевич 1986 — Дорошкевич О. К. Реалізм і народність української літератури XIX ст. Київ: Наукова думка, 1986.

Китанина 2005 — Китанина Т. А. Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов / под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 525–610.

- Костюхина 2008* — Костюхина М. С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М.: ОГИ, 2008.
- Лобач-Жученко 1987* — Лобач-Жученко Б. Б. О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев: Дніпро, 1987.
- Лотман 1993* — Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. III. С. 91–106.
- Лучкина 2011* — Лучкина О. А. «О том, как вредно читать в детстве всякие книги без разбору...»: отбор книг для детского чтения (1830–1850-е гг.) // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана М.; СПб. «Азмут»; «Нестор-История», 2011. С. 112–132.
- Макеев 2013* — Макеев М. С. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124). С. 130–147.
- Никодимова 2018* — Никодимова А. А. «Сельское чтение» Владимира Одоевского: Монография. Тверь: Издательство М. Ю. Батасовой, 2018.
- Никодимова, Сорочан 2019* — Никодимова А. А., Сорочан А. Ю. «Сельское чтение» В. Ф. Одоевского: теория и практика // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 138–148.
- Никодимова, Сорочан 2019* — Никодимова А. А., Сорочан А. Ю. Хмель, сон и явь: «педагогическая фантастика» середины XIX в. // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв: коллективная монография. Нижний Новгород: Нижегородский университет им. Лобачевского, 2019. С. 387–392.
- Новик 2019* — Новик А. «Народная косморاما»: происхождение русского райка в контексте истории оптических медиа XIX в. // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 62–76.
- Рейтблат 2001* — Рейтблат А. И. Цензура народных книг во второй четверти XIX в. // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 182–190.
- Рейтблат 2009* — Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Сенькина 2010* — Сенькина А. А. К истории учебной книги для детей: первые русские книги для чтения и их европейские образцы // Ребенок в истории и культуре / под ред. А. С. Обухова и М. В. Тендряковой. М., 2010.

С. 41–69. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; Вып. 4).

Сергиенко 2015 — Сергиенко И. А. Концепции педагогической критики XIX в. в истории изучения детской литературы // *Детские чтения*. 2015. № 2 (8). С. 76–94.

Хеллман 2016 — Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Шмид 2003 — Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Agafonova 2022 — Agafonova Y. The Common Reader in Public Readings With Magic Lantern Slides in Late Imperial Russia // *Russian Literature*. 2022. Vol. 129. Pp. 73–93.

Donskow 1973 — Donskow A. L. N. Tolstoy's Sources for his Play The First-Distiller // *Canadian Slavonic Papers*. 1973. Vol. 15. No 3. Pp. 375–381.

Lincoln 1982 — Lincoln W. B. In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1982.

Lyons 2001 — Lyons M. Readers and Society in Nineteenth-Century France: Workers, Women, Peasants. London: Palgrave Macmillan, 2001.

Moon 1999 — Moon D. The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasant Made. London; New York: Longman, 1999.

Reitblat 2020 — Reitblat A. I. The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book // *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*. Vol. 2. 2020. Pp. 317–346.

Vdovin, Zubkov 2021 — Vdovin, A., Zubkov, K. New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature // *Russian Literature*. 2021. Vol. 119. Pp. 7–14.

References

Agafonova 2022 — Agafonova, Ya. Ya. (2022). The Common Reader in Public Readings With Magic Lantern Slides in Late Imperial Russia. *Russian Literature*, 129, 73–93.

Agafonova 2019 — Agafonova, Ya. Ya. (2019). Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy [Classics for the common people in the adaptations by the Permanent Committee for arrangement of public readings], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (156), 77–93.

Agafonova 2022 — Agafonova, Ya. Ya. (2022). Klassika dlya naroda kak prosvetitel'skiy proekt Komissii po ustroystvu narodnykh chteniy v pozdnyy period Rossiyskoy Imperii [Classics for the people as an enlightenment project

- of the Committee for the Arrangement of Public Reading in the Late Imperial Russia. PhD dissertation] (doctoral dissertation). HSE University, Moscow.
- An-skiy 2017* — An-skiy, S. (2017). *Narod i kniga* [The Folk and the Book]. Moscow: Common Place.
- Bogdanov 1995* — Bogdanov, K. A. (1995). *Deng' i v fol'klore* [Money in Folklore]. St Petersburg: Bell.
- Donskow 1973* — Donskow, A. (1973). L. N. Tolstoy's Sources for his Play *The First-Distiller*. *Canadian Slavonic Papers*, 15, № 3, 375–381.
- Doroshkevich 1986* — Doroshkevich, O. K. (1986). *Realizm i narodnist' ukraïns'koï literatury XIX st* [Realism and Nationhood in the Ukrainian Literature of the 19th century]. Kii'v: Naukova dumka. (In Ukrainian).
- Hellman 2016* — Hellman, B. (2016). *Skazka i byl'*. *Istoriya russkoy detskoy literatury* [Fairy Tale and True Story. A History of Russian Children's Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kitanina 2005* — Kitanina, T. A. (2005). *Materialy k ukazatelyu syuzhetov predpushkinskoy prozy* [Materials for reference guide of the plots in pre-Pushkin's epoch] In E. O. Larionova (Ed.), *Pushkin i ego sovremenniki: Sb. nauch. Trudov* [Pushkin and his contemporaries: A collection of scientific works] (Vol. 4 (43), pp. 525–610.). St. Petersburg.
- Kostyukhina 2008* — Kostyukhina, M. S. (2008). *Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX v* [Golden Mirror: Russian Children's Literature of the 18 and 19th centuries]. Moscow: OGI.
- Lincoln 1982* — Lincoln, W. B. (1982). *In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press.
- Lobach-Zhuchenko 1987* — Lobach-Zhuchenko, B. B. (1987). *O Marko Vovchok. Vospominaniya, poiski, nakhodki* [O Marko Vovchok. Memoirs, investigations, findings]. Kiyev: Dnipro. (In Russian).
- Lotman 1993* — Lotman Yu. M. (1993). *Syuzhetnoye prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya* [Plot space of the Russian novel of the 19th century]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i in 3 t.* [Selected articles in 3 vols.] (Vol. 3, pp. 91–106). Tallinn: Aleksandra.
- Luchkina 2011* — Luchkina, O. A. (2011). “O tom, kak vredno chitat' v detstve vsyakiye knigi bez razboru...”: otbor knig dlya detskogo chteniya (1830–1850-e gg.) [“On the Damage of Reading Books in Childhood without a Guide”: The Selection of Books for Children (1830-50s)]. In M. R. Balina, V. G. Bezrogov, S. G. Maslinskaya, K. A. Maslinskiy, M. V. Tendryakova, S. Sheridan (Eds.). *Konstruiruya detskoe: filologiya, istoriya, antropologiya* [Constructing the Childlike: Philology, history, anthropology] (pp. 112–132). Moscow; St. Petersburg: Azmut; Nestor-Istoriya.
- Lyons 2001* — Lyons, M. (2001). *Readers and Society in Nineteenth-Century France: Workers, Women, Peasants*. London: Palgrave Macmillan.

Makeev 2013 — Makeyev, M. S. (2013). Literatura dlya naroda: protektsiya protiv spekulyatsii (k istorii nekrasovskikh “krasnykh knizhek”) [Literature for the folk: protection vs. speculation (towards the history of Nikolai Nekrasov’s ‘red books’]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 124 (6), 130–147.

Moon 1999 — Moon, D. (1999). *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasant Made*. London; New York: Longman.

Nikodimova 2018 — Nikodimova, A. A. (2018). “Sel’skoe chtenie” Vladimira Odoevskogo: Monografiya [Vladimir Odoevsky’s ‘Rural Reading’: A Monograph]. Tver’: Izdatel’stvo M. Yu. Batasovoy.

Nikodimova, Sorochan 2019 — Nikodimova, A. A., Sorochan, A. Yu. (2019). “Sel’skoe chteniye” V. F. Odoevskogo: teoriya i praktika [Vladimir Odoevsky’s ‘Rural Reading’: theory and practice]. In E. A. Takho-Godi (Ed.), *Literatura i filosofiya: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V. F. Odoevskogo* (pp. 138–148). Moscow: Vodoley.

Nikodimova, Sorochan 2019 — Nikodimova, A. A., Sorochan, A. Yu. (2019). Khmel’, son i yav’: “pedagogicheskaya fantastika” serediny XIX veka [Hop, dream, reality: “pedagogical fantastic” of the middle of the 19th century]. In *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostranstve XIX–XXI vv. Kollektivnaya monografiya [Paradigms of transitivity and images of the fantasy world in the artistic space of the 19th–21st centuries: collective monograph]* (pp. 387–392). Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet im. Lobachevskogo.

Novik 2019 — Novik, A. (2019). “Narodnaya kosmorama”: proiskhozhdenie russkogo rayka v kontekste istorii opticheskikh media XIX veka [‘Public’s Cosmorama’: The origin of Russian Raree Show in the Context of History of Optics Media in the 19th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (156), 62–76.

Reitblat 2001 — Reitblat, A. I. (2001). Tsenzura narodnykh knig vo vtoroy chetverti XIX veka [Censorship of the books for people in the 2d quarter of the 19th century] In Reitblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii: istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul’ture Pushkinskoy epokhi [How Pushkin Came into Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]* (pp. 182–190). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Reitblat 2009 — Reitblat, A. I. (2009). Ot Bovy k Bal’montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury [From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Reitblat 2020 — Reitblat, A. I. (2020). *The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book*. Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia, 2, 317–346.

Sen'kina 2010 — Sen'kina, A. A. (2010). K istorii uchebnoy knigi dlya detey: pervye russkie knigi dlya chteniya i ikh evropeyskie obraztsy [Towards the History of Manuals for Children: First Russian Manuals and their European Sources] In A. S. Obukhov, M. V. Tendryakova (Eds.), *Rebenok v istorii i kul'ture* [A Child in the History and Culture] (Issue 4, pp. 41–69). Moscow.

Sergienko 2015 — Sergienko, I. A. (2015). Kontseptsii pedagogicheskoy kritiki XIX veka v istorii izucheniya detskoj literatury [Concepts of the Pedagogical Criticism of the 19th century in the History of Children's Literature], *Detskie chtenia*, 2 (8), 76–94.

Shmid 2003 — Shmid V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In German).

Vdovin 2016 — Vdovin, A. V. (2016). “Nevedomyj mir”: russkaya i evropeyskaya estetika i problema reprezentatsii krest'yan v literature serediny XIX veka [‘Unknown World’: Russian and European Aesthetics and the Issue of Representation of Peasants in Literature of the Mid-Nineteenth Century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 141 (5), 287–315.

Vdovin, Zubkov 2021 — Vdovin, A., Zubkov, K. (2021). New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature. *Russian Literature*, 119, 7–14.

Vdovin 2023 — Vdovin, A. V. (2023). D'yavol'skoe iskushenie izvozchika: genealogiya i morfologiya odnogo syuzheta [Devilish temptation of a cabman: genealogy and morphology of a literary plot. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3. (In print).

Vershinina 1997 — Vershinina, N. L. (1997). *Russkaya belletristika 1830–1840-kh godov: (Problemy zhanra i stilya)* [Russian Belle-Lettres of the 1830–40s: Issues of genre and style]. Pskov: Pskovskiy gos. ped. in-t.

Vitteker 1999 — Vitteker, Ts. (1999). *Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremena* [Count Sergei Semyonovich Uvarov and his time]. St Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian).

Alexey Vdovin

HSE University (Moscow); ORCID: 0000-0003-0800-0577

THE MODELS OF PEASANT AGENCY IN FICTION FOR COMMON PEOPLE IN THE RUSSIAN EMPIRE, 1839–1861

The traditional narrative on the history of public education and reading in the Russian Empire considers books for “common people” as a genre appeared not earlier than in the 1860s, and en masse only in the 1880s. This article substantially corrects this notion and uses the material of 15 fictional texts created by the educated elite (Mikhail Zagoskin, Vladimir Sollogub, Vladimir Dal’, Vladimir Burnashev, Nikolaj Uspensky, Maria Korsini, Mikhail Mikhailov, Marko Vovchok, etc.) for folk reading in 1839–1861 to prove the existence of the early stage of this type of didactic literature for the people. Using the method of determining so called ‘elementary plots’ for fiction texts, the author identifies 4 groups of texts with different types of plots (plotless, type “Temptation”, type “Violence”, texts about love and marriage), which embody different ideas of who the peasants were as subjects, how they were to interact with each other, with the law, and the authorities. The analysis of the stories becomes the starting point for interpreting the model of peasant agency that the authors of the stories elaborated for the folk. The study shows that while the patriarchal model of the peasant agency dominated in the 1840s and first half of 1850s, on the eve of the abolition of slavery in 1859–61 the democratically minded authors (Marko Vovchok and Mikhail Mikhailov) tried to construct in stories for peasants an emancipated type of agency, with human dignity at its core. The special section of the article describes the intersection of literature for common people of the 1840s with children’s literature of the 1830s.

Keywords: reading for peasants, popular literature, agency, didactic literature, theory of modernization